

Андрей Курков

Не приведи меня в Кенгаракс

*Часть сборника
Приятель покойника (сборник)*

Андрей Курков

Не приведи меня в Кенгаракс

«Фолио»

1995

Курков А. Ю.

Не приведи меня в Кенгаракс / А. Ю. Курков — «Фолио», 1995

«Турусов хотел спать, но первым заговорить об этом было как-то неудобно. Кроме того, он не хотел перебивать несущиеся, как горные реки, размышления Радецкого. Слушать его тоже не хотелось, поэтому приходилось смотреть в окно и ждать, когда же придет время расстилания коек, когда же несколько протяжных зевков закроют родник жизненного опыта, обильно бьющий из прошлого Радецкого...»

© Курков А. Ю., 1995

© Фолио, 1995

Андрей Курков

Не приведи меня в Кенгаракс

Состав несколько раз дернулся и пошел. Колеса не спеша отсчитывали стыки рельсов.

– Вот и тронулись.

– Да, уже едем, – поправил очки Турусов.

– Плетемся! – буркнул Радецкий. – Накладная у тебя, образованный?

– Да.

– Так что же мы все-таки тянем и куда?

– «Груз «ТПСБ-1785» и др.», – медленно и внятно прочел Турусов.

– Эта галиматья мне известна, я тебя как человека знающего спросил! Без сокращения как оно называется?

Турусов пожал плечами.

– Тыфу! Тоже мне профессор! А куда?

– Говорили, что конечный пункт известен машинисту.

– Машинисту?! Так сходи спроси его!

– Но вы же понимаете, что к нему не пройти. – Турусов снова поправил съехавшие на нос очки в роговой оправе.

Радецкий скривил губы и отвернулся к окну. Достал папиросу, размял ее толстыми когтистыми пальцами и загнал в уголок рта под унылые горьковские усы. Чиркнул спичкой и затянулся.

– Ну, если ты, студент, ни хрена не знаешь, то, видать, никто этого не знает тоже. А это к лучшему. Ты-то сам чего в сопровождающие поперся?

– Да так... с друзьями старыми разошелся во взглядах...

– Бежишь?

– В общем, да.

– А что, могут поймать и пришить?

– Что вы, нет!

– Странно. Тогда зачем драпать? Вот я – понятное дело. За мной «хвосты» тянутся, хоть я и не украл, и не завалил никого. А ведь уже двенадцать лет на маршрутах! А какая у меня любовь была!!! У тебя новой сотенной нет?

– Что?

– Сторублевки новенькой, чтоб хрустела, нет у тебя?

– А... нет...

– Жаль. Моя старая истерлась вся, вот-вот рассыплется. Ладно, покажу.

Радецкий вытянул из кармана ватника блокнот, достал свернутую сторублевку, которая действительно была ветхой и потертой, развернул ее и вытащил оттуда фотографию три на четыре белобрысой девчонки.

– Вот какой она тогда была! Ни разу сотку не менял. Самая дорогая мне память. Только надо, видать, новую раздобыть, чтоб Валюху в нее заворачивать. Эх, я б на такую девку и тыщерублевки не пожалел, если б была такая деньжища!

– Да, любовь – это прекрасно... – почти шепотом проговорил Турусов.

– Ох, не люблю я эти сюсюканья интеллигентские! Извини, конечно, но любовь – это не только ночи в шалашах и зажиманья при луне! Это и по морде, если заслужила. А они все этого заслуживают, все подряд! Я Валюху чем чаще лупил, помню, тем любил больше. И она не обижалась, сама говорила, что любая баба этого заслуживает. Эх, и умница была, а всего-то семнадцать ей тогда стукнуло. Мужики так рано не умнеют.

Турусов хотел спать, но первым заговорить об этом было как-то неудобно. Кроме того, он не хотел перебивать несущиеся, как горные реки, размышления Радецкого. Слушать его тоже не хотелось, поэтому приходилось смотреть в окно и ждать, когда же придет время расстилания коек, когда же несколько протяжных зевков закроют родник жизненного опыта, обильно бьющий из прошлого Радецкого.

Ждать пришлось около часа. Радецкий вдруг замолчал и почесал затылок.

– Где у нас аптечка?! – словно сам себя спросил он. – Надо бы стрептоцида пожевать, а то каждое утро горло саднит.

Исполнив свое желание, он спокойно устроился на нижней койке купе для сопровождающих. Турусов забрался на верхнюю.

– Эй, студент, высоты не боишься? Голова не кружится? – негромко, улыбаясь сквозь зевоту, спросил Радецкий.

Турусов так долго искал, что ответить, что в конце концов отвечать было уже поздно: снизу донесся самоуверенный храп напарника.

Разбудило их утром ржание. Открыв глаза, Турусов обомлел и поднял голову – вместо ящиков в грузовой части вагона стояли кони – три крепких скакуна. В углу было навалено сено. Пахло скотным двором, но запах не раздражал. Турусов глянул вниз на Радецкого. Тот сидел в ватных штанах и майке на своей полке, молча уставившись на лошадей.

– Кто отвечать будет? – наконец как-то заторможенно произнес он. – Первый раз такое. Издевается, что ли, кто?! Ящики сняли, понятно. Но это зачем?

– Это не наш вагон... – удивленно прошептал Турусов, его глаза прищурились за очками. – У нас на выходе сто двенадцатый номер стоял, а тут ноль тринадцать нарисовано. И занавески розовые, а там белые были.

– Ну и черт с ним! – Радецкий встал и сплюнул на грязный пол. – Вонюща! А если сдохнут, то вообще задохнемся. И чего они мне так в моем голубом и безоблачном нравились?!

– Лошадь – символ свободы, – сказал Турусов.

– Чушь! – зевнул Радецкий. – Цыганщина. Лошадь – это скачки и хорошая колбаса сырого копчения. Это я уже понял. Кстати, студент, историю могу про лошадей рассказать, занятая история. С батей моим произошла.

Турусов спрыгнул с верхней полки и сел рядом с напарником, изобразив внимание.

– Это после войны, в пятидесятых было. Батя мой, сокол сталинской закалки, приехал прокурором в один шахтерский городок неподалеку от Донецка. Бродил, изучал вверенное ему хозяйство, во всем копался и вдруг – бах!!! – узнает, что в наше время, в век технической революции, на одной шахте при вывозе угля из штолен используются лошади. Представь себе: двадцать лошадей или – как ты там брякнул – двадцать символов свободы падут под землей. Ну, батя огорчился, даже не то слово – возмутился сразу. По начальству шахты шорох навел. Говорит – убирайте коней из шахты, нечего животных мучить, не для того они созданы. А те не соглашались. Далеко тогда батя добрался, до ЦК республики дошел и добился-таки своего. Привез в городок бумагу с распоряжением в трехдневный срок лошадей поднять на поверхность. А тут ему как раз путевку. Мол, приехал на новое место, не отдохнув от старого. Дело, в общем, было сделано, оставил он все под контроль заместителю и на отдых. Возвращается через месяц загорелый, довольный. Сразу про лошадей спрашивает, мол, куда их пристроили. А ему отвечают: как подняли, так и на мясокомбинат увезли, колбасу из них вкусную делать. Нельзя было их наверх поднимать. А так, после долгих лет темноты яркое солнце увидели и ослепли враз. Человек, если из долгой темноты резко на свет выйдет, тоже сразу ослепнет. Ох и ругался тогда батя, я от него раньше и слов таких не слыхал. Ругался дня три, а потом молчал месяц. Мрачным ходил. Ясное дело – не боролся бы он за то, чтобы лошади ясный свет увидели, жили бы еще клячи, хоть в темноте, да сытые. Ладно, жрать пора нам.

Турусов полез под полку за мешком с консервами, но тут вспомнил, что они в другом вагоне. Однако мешок был здесь. Съели они на завтрак по банке тушенки. Потом долго молчали.

Турусов думал о лошадях, «спасенных» отцом Радецкого, а тот приучил себя временами ни о чем не думать, чтобы голову чепухой не забивать, и сидел, молча уставясь в пол. Лишь лошади нарушали тишину, дергались, стучали копытами, хвостами гоняли назойливых мух.

Вскоре, однако, Радецкий не выдержал и подумал о чем-то, после чего выматерился, сплюнул на пол и подошел к окну. Время шло невыносимо медленно, минуты бесконечными проводами тянулись от одного километрового столба к другому.

Поезд, как человек на жизненном пути, размеренно тарыхтел по рельсам, не зная, исправны ли семафоры, не подстерегает ли какая-нибудь опасность, оползень, полуразрушенный мост. Если бы поезд был живым, не избавиться бы ему в жизнь от депрессий и астенических состояний. Кто знает, может, тогда бы он, взяв от человека не лучшее, добровольно сошел бы с рельсов. Кто знает...

Лошади жевали сено, тряся гривами и громко чмокая. Лоснящиеся крупы их, усеянные черными точками мух, подергивались. Смотреть на них и впрямь было не очень-то приятно.

Турусов приподнял очки и почесал переносицу, «укатанную» до красноты роговым ободком. Безразличие к запаху скотного двора прошло. Во рту горчило, то ли голова слегка кружилась, то ли тошнило. Такое же состояние было у него в самом начале прошлой весны, когда хоронил он бабушку, последнего представителя своего прапрапоколения. Теперь груз этого ушедшего поколения должен был постепенно лечь на плечи родителей, а их заботы – перейти к нему, к Турусову, к йогу-расстриге, из всей восточной философии уяснившего одну-единственную мудрость: «для полноценной жизни необходимо одиночество, супружество – уже раздвоение личности, а раздвоенная личность суть продукт, биологически подготовленный к распаду».

Однако кое-что Турусова и радовало в этой ситуации – сугубая ее конкретность: конкретные запахи, конкретные лошади.

Почти физиологическое влечение к конкретности возникло у Турусова после того, как он пресытился общением с бывшими со-йогами, со-буддистами и со-даосистами, к которым его тянуло прежде невероятно сильно, так же, как сейчас влекло к конкретности. Даже не влекло, а гнало, хлеща нагайками желаний по голой спине и оставляя на ней алые полосы, гнало от абстрактного к конкретному, от нирваны к сансаре. И он был доволен: пусть тошнит, пусть запах противен, пусть конкретность далеко не во всем утоляет эстетическую жажду. Велика ли это беда для человека, получившего огромный выбор жизненных реалий, на которые можно смотреть из поезда, которые можно потрогать и ощутить прямо в вагоне.

Да, он не ошибся в своем выборе: именно эта работа несла ему многочисленные столкновения с реальным миром, даже, иногда казалось, с некоей гиперреальностью, невидимой для большинства и отражающейся прежде в разуме, а уж после на сетчатке глаз, как бы в подтверждение.

Он закашлялся: уж не запах ли вызвал такой сухой, трещащий, как щепки в огне, кашель?! Нет, вряд ли. С детства его горло довольно бурно реагировало на климатические явления, невидимые порой и глазам. Закашлялся снова, как бы вторично оказался в этом вагоне с лошадьми. По-новому неприятен был запах.

Турусов оглянулся и заметил спящего Радецкого. Прорезался сквозь туман мыслей стук колес. Начал убаюкивать. На часах обе стрелки двигались к четверке.

Турусов полез на свою верхнюю, уткнулся в угол и задремал. Первые кадры цветного сна о чужом детстве сопровождались звуком медленно идущего поезда.

В семь утра Радецкий стоял в трясущемся тамбуре и пытался побриться станком. Шея уже кровоточила, когда в тамбур заглянул Турусов.

– Что ты делаешь?! У нас же аптечка со спичечный коробок!

– Тебе что, моей крови жалко? Могу поделиться. У меня, когда из пальца берут, струя врачихе в глаз бьет! Да! Ты заметил, что мы дома?

Турусов недоумевающе заморгал глазами, потом оглянулся.

– Да, наш вагон... – оторопело проговорил он.

– Наш-наш, с ящичками.

С горем пополам побрившись, Радецкий облил свое исполосованное лицо одеколоном и зашипел, как утюг, на который попала вода.

– Студент, хохму разгадаешь? Что такое «тройной полет Арамиса для мужчин»?

Турусов пожал плечами.

– Образованный! В народ ходить надо, а не в университеты! Это пролетарский коктейль, состоящий из лучших одеколонов нашего времени. А ты знаешь, как отразилась наша история на бутылочной маркировке?

– Нет.

– Чекушка водки зовется «меньшевик», а ноль-восемь – «большевик».

– Это где так зовется?

– Где? В Москве белокаменной, там такого фольклора пруд пруди! Постой-ка, а что это там за ящик прибавился?! – Радецкий подался вперед всем телом, вглядываясь в угол вагона.

Ящик небольшого размера отличался от других синей краской трафаретов и какой-то внутренней сбитостью, крепостью. За досками на расстоянии чувствовалась монолитная масса содержимого.

Турусов осторожно, как к mine, приблизился. Наклонился, читая надписи-предупреждения.

– Похоже, что его место действительно здесь, – сказал он успокоенно.

– С чего это ты взял?

– Цифровой шифр груза «1758», и то же самое «ТПСБ».

– Вот так радость! наши ящички родственничка заимели! Сам пришел, разыскал их, как агент Израиля, и решил остаться. Слушай, профессор, ты в магии не разбираешься случайно? Языка ящичков не знаешь? Объяснить хоть что-нибудь толком можешь?

Турусов отрицательно замотал головой, все еще разглядывая необъясненное явление в правом углу вагона.

– Ладно, черт с ним. Мне он не мешает. А что ты на нем вычитал?

– «не распаковывать», «не выгружать», «не перемещать».

– нормально, пойдет. Люблю вещи, с которыми ничего делать не надо. Пусть живет! – Радецкий заговорщицки ухмыльнулся.

Все в природе, думал Турусов, состояло и сейчас состоит из «вещей», с которыми ничего делать не надо. Но разве человек может пройти мимо, разве может он, заметив незнакомый предмет, камень или нечто, не подумать о возможной пользе его? Разве может он не примерить камень к ладони своей?! Человек придумал «порядок» и всю свою жизнь наводит этот порядок среди вещей, предметов и всего, к чему можно прикоснуться. Среди всего, что извечно занимало свое место и еще ни разу не нуждалось в перемещении.

За окошком шел дождь, цеплял дрожащие капли на стекло, а поезд их струшивал вниз. Капли полосовали окно параллельными линиями. Окно, приподнятое на метр над полом, бросало свет на нижнюю полку, где дремал Радецкий. Турусов еще не научился спать просто от безделья, его все еще влекли пейзажи в оконной рамке, он мог часами смотреть на бесконечные леса, поля, на мелькающие диагональные балки железнодорожных мостов.

Ночью темное нутро вагона прорезал луч фонаря. Пробежался по стенам, по ящикам и задержался на спящих сопровождающих. Радецкий отвернулся к стене, Турусов заворочался на верхней полке и приоткрыл глаза. Шорох, шум шагов, фонарь – все это озадачило его, мгновенно

венно прогнало сон, но в то же время словно отняло язык. Пятно света от фонаря сползло вниз на Радецкого, а потом снова вскарабкалось вверх, остановившись на Турусове, как раз надевавшим очки, чтобы разобраться в происходящем.

– Спускайтесь сюда, – Турусов услышал негромкий властный голос.

Стараясь не разбудить напарника, он аккуратно спрыгнул с полки и увидел трех человек в одинаковых темных плащах. Глаза их взирали на него с вопросом, на который он и рад был бы ответить, если бы, конечно, знал, что это за вопрос.

– Не беспокойтесь! – сказал один из пришельцев. – Нам нужно кое-что проверить. Стойте и смотрите!

И он направился в противоположный угол. Минут пятнадцать луч фонарика скользил по грузу, задерживаясь на надписях и шифрах, и вдруг замер.

– Ага! – вздохнул над новым ящиком человек с фонариком. – Нашелся!

Он выпрямился, схватившись правой рукой за поясницу, словно был болен радикулитом. Турусов заметил, что из кармана его плаща торчит свернутая трубочкой газета.

Человек еще раз внимательно осмотрел ящик со всех сторон и вернулся к своим коллегам.

– Порядок! – сказал он. – Я как чувствовал, что он здесь окажется! Какой номер вашего вагона? – Он повернулся к Турусову.

Турусов ответил, а спросивший записал номер в блокнот.

– На Осадчего похож! – кивнул один из пришедших в сторону спящего Радецкого.

– Это уже не имеет значения. Осадчий списан. Был профессор и нет профессора! – человек с фонариком четко произносил каждое слово, четко, но не громко.

– Этот ящик у вас в накладной значится? – снова спросил он у Турусова.

– Нет, он только сегодня утр...

– Ясно! – оборвал его человек с фонариком. – Мы его забираем. Расписку написать?

– Он не значится... – взволнованно начал было Турусов.

– Ладно! Если что случится, ставьте нас в известность!

– Хорошо, – пообещал Турусов.

Двое подняли ящик, третий, тот, что командовал, освещал им путь к выходу из вагона. Задвижная дверь была открыта, луч фонаря тонул в проеме двери, как в пропасти, словно и земли под вагоном не было.

Один из несших ящик споткнулся. Турусов подскочил, поддержал его.

Они вышли на ходу. Их поглотила ночь.

Турусов подумал о несправедливости, подумал о том, что, несмотря на все предупредительные надписи на ящике, все равно есть люди, которые имеют право поднять его, вынести и где-то вскрыть. Поразмыслив недолго, он закрыл дверь вагона, задвинул ее – только ролики сверху и снизу жалобно скрипнули.

Проснулся Турусов рано, только светало. Проснулся и заметил на полу свернутую трубочкой газету. Поднял, развернул. Оказалось, что это номер «Стальной магистрали» за 1936 год. Пробежался взглядом по заголовкам – показалось неинтересным. Кинул ее на пол возле окна. Газета снова свернулась трубочкой.

Подошел к ящикам, уселся на один из них и забылся. Забылся не сном, просто нырнул в себя, даже глаза закрыл, чтоб сквозь них внутрь свет не бил.

Радецкий, услышав о ночных гостях, долго чертыхался.

– А ты им показался на какого-то Осадчего похожим! – вспомнил Турусов.

– Первый раз в жизни на покойника похожим оказался!

– А что, он умер, этот Осадчий?!

– Не то чтобы сам. Может, слышал что-нибудь про Промпартию? Шахтинское дело? Профессор Осадчий был одним из руководителей, пока в двадцать восьмом их не накрыли. Историю, студент, любить надо!

– Истории нет! – твердо заявил Турусов.

Радецкий удивленно выпучил глаза.

– От человека в очках я таких заявлений не ожидал!

– История – не наука, – нравоучительно объяснял Турусов. – Это сборник закономерностей развития общества. Закономерности свойственны любой формации, они только меняют форму и названия в зависимости от строя и идеологии. Суть их остается неизменной.

– Вредные ты мысли выдаешь! – покачал головой Радецкий.

– Жалко, ящик унесли, – вдруг грустно проговорил Турусов.

– Всех нас ждет по ящику в конце! – с улыбочкой успокоил его напарник. – Главное, не волноваться: еще неизвестно, от чего нас избавили эти гости в плащах. Может, там бомба была!

Турусов неожиданно быстро сник, побледнел.

– Не переживай ты, студент. В твоей жизни впереди еще много ящиков! Может, скормить тебе лишнюю банку тушенки для поднятия духа?!

– Спасибо, не надо. Я лучше спать лягу. – Турусов покарабкался на свою полку.

Как бы медленно время ни шло, оно обязано строго следить за сменой одного дня другим, за круговоротом луны и солнца, за более мелкими, а с высоты Времени даже мельчайшими событиями, заполняющими жизнь каждого человека неким, не всегда существующим смыслом. Иногда кажется, что Время, словно обычный работяга, пришедший на завод с похмелья, то и дело гонит брак, срывает график. То ночь получается слишком светлой, то день выходит излишне темен. Может, это и не Времени вина, но на него свернуть легче, так как Время куда более управляемо, чем луна или солнце.

Когда Время не захватывает вас, не сбивает с ног и не гонит в шею, вы теряете ощущение жизненного ритма, вы становитесь вялым и ватным, вот-вот превратитесь в неуправляемый дирижабль или воздушный пузырь, наполненный подогретым, но уже остывающим газом.

Три дня, целых три дня прошло с ночи приема неожиданных гостей. Турусов хандрил, ворочаясь на верхней полке. Радецкий валялся спокойно, со знанием дела или, вернее сказать, с полным осознанием своего безделья. Редкие слова, звучавшие на фоне стука колес, выплывали, как шелуха от семечек. Они ничего не значили, никому ничего не говорили.

Турусов в дреме сожалел об унесенном ящике, а его напарник изредка чертыхался оттого, что никак не мог разогнать назойливые, как навозные мухи, мысли.

– Какой день едем? – спросил он.

– Шестой... – ответил Турусов.

– А сколько еще?

Турусов от неожиданного вопроса приподнялся на локте и заглянул вниз.

– Как это «сколько»?!

– Ну, я имею в виду, когда назад?

– Да не знаю я!

– А ты в накладной посмотри, может, там нацарапано.

Турусов развернул серую бумагу, пробежался взглядом.

– Ну что? – нетерпеливо задрал голову вверх Радецкий.

– «Груз должен быть доставлен получателю не ранее 15.12.92 и не позднее 10.07.97 г.».

Радецкий опустил ноги на пол.

– Это говорит об одном! – безразличным тоном произнес он. – В этих ящиках нет ничего скоропортящегося!

– И похоже, что их содержимое сейчас никому не нужно! – добавил Турусов. – Послушай, кажется, они просто хотели избавиться от этого груза, потому и заслали его в такой маршрут.

– Еще бы! – Радецкий сделал шаг к окну. – Чего бы тогда им понадобилось заманивать тебя тыщерублевой зарплатой... А какой конечный пункт и кто там получатель?

Турусов снова вытащил из кармана накладную.

– «Получатель груза... – забубнил он себе под нос, – не обязан предъявлять каких-либо требований и претензий. В дозволенных случаях он имеет право вообще отказаться от получения груза. Тогда груз следует везти дальше, к следующему возможному получателю».

– Полнейшая шизуха! – констатировал Радецкий, кривя губы от монотонности закоренелых пейзажей. – Может, ломануть эти ящики, а еще проще, на ходу их скинуть, ночью...

– Ты что! – Турусов испуганно выпучил глаза за стеклами очков.

– Испугался, студент! Ну-ну. Тебя эти ящички еще порадуют!

– А ты что, решил на ходу выпрыгивать?

– Не-е-ет, – растянул Радецкий. – С меня как с гуся вода: отключу голову и глазами собаки на все это дело смотреть буду. А вот ты нервишек не напасешься, это я точно знаю!

Радецкий прошелся пару раз к ящикам и обратно, держа руки за спиной. Остановился возле свернутой газеты, валявшейся на полу.

– Так, что там на воле? – Он поднял номер «Стальной магистрали», оброненный одним из ночных гостей. – Так-так... что?!

Это «что» вырвалось у Радецкого с криком то ли удивления, то ли отчаяния.

– Чего кричишь? – неестественно спокойно спросил Турусов, решивший экономить свои «нервишки».

– Послушай! Здесь объявление: «Требуется два сопровождающих, желательно одинокие мужчины, для сопровождения груза «ТПСБ-1735» указанным маршрутом. Оплата сдельно-премиальная, повышенная. Предоставляется место в теплушке на весь маршрут, независимо от того, сколько времени он займет. С предложениями обращаться: гор. Талдом, ул. Самуила Рысса, 7, кв. 3».

– Можно обратиться! – голос Турусова задрожал. – Кстати, эти ящики уже стояли в вагоне, когда мы прибыли...

Турусов подошел к грузу, может быть, уже раз в тридцатый склонился над деревянными кубами, внутри которых находилось нечто запакованное и запрещенное для вскрытия.

– Так и есть! – вздохнул Турусов. – Цифры шифра на нескольких ящиках исправлены, две последние...

– Интересно, кто с ними до нас катался?! Наверняка они уже приехали.

– Кто знает, может, они сейчас в соседнем вагоне чай пьют!

– Да, конечно. Там, где лошадки твои любимые! – ухмыльнулся Радецкий.

У каждого человека есть свои слова, способные отвлечь, увести от мыслей, разговоров. Стоит только произнести одно такое слово, и ваш собеседник уже не помнит, о чем вы спорили, что защищали, что опровергали. Он уже не в состоянии продолжить разговор, хотя вам и кажется, что он вас слушает, смотрит вам в глаза. Да, его взгляд направлен на вас, но смотрит он внутрь себя. Вы для него более не существуете. Не потому, что он вас вдруг перестал уважать. Просто вы произнесли слово, которое, как красная кнопка, способно отключить человека от вас, от ваших проблем, заставить его вернуться к собственным вопросам, к старым нерешенным загадкам.

Наступило молчание. Только шелестела газета в руках у Радецкого. Радецкий так близко подносил ее к глазам, что казалось, будто он хочет высмотреть какие-то водяные знаки между строк.

Он тоже отключился, но ему не понадобилось слово, вполне хватило одного номера «Стальной магистрали» за 1936 год.

Поезд замедлил ход и остановился. Остановка была настолько неожиданной, что у Радецкого на лбу выступил холодный пот.

– Что-то не то... – задрожал мягкий голос, такой непривычный в его устах. – Не помню, чтобы когда-нибудь на маршрутах вдруг так тормозили посреди тайги!

В стену словно палкой заколотили. Турусов отодвинул дверь, и в вагон вскарабкалась бабка лет семидесяти, крепкая, плотная, с румяным лицом и в шерстяном платке.

– ну все! – вздохнула она. – Поехали!

И состав действительно дернулся и покатился, набирая скорость.

– Вы куда, бабушка? – коровьим взглядом Радецкий впился в гостью.

– А мне до «Факела». Тут недалечко.

– До какого факела?

– Гостиница «Факел», сын мой там живет. Он у меня деньгодобытчик.

– А на какой станции эта гостиница?

– А бог ее знает! Нет там никакой станции. Машинисту место известно, он остановится – я и спрыгну, а там рядом...

Турусов с интересом слушал разговор Радецкого с бабусей. Как-то теплее, душевнее стало в вагоне, и Турусову подумалось, что хорошо бы, если б бабка эта с ними осталась. Варила бы им каши, надоедала бы своей болтовней.

– А сколько туда ехать? – спросил Турусов.

– Да, милоч, сутки две-три.

«Все равно, хоть два-три дня отдохнуть можно», – подумал Турусов.

– Занятно, – протянул Радецкий, ни к кому не обращаясь. – Станции нет, а гостиница есть.

– А чего, у нас тут по Сибирке таких гостиниц много. Они ж бесплатные, правда, и удобств никаких.

– А что ваш сын там делает?

– Я ж сказала, деньгодобытчик он.

– Хо-о-орошая специальность... – Лицо Радецкого приняло задумчивое выражение.

– Конечно, милоч, хорошая. Не чета всяким там инженеришкам. Как ни приеду к нему – тыщонку-другую всегда дает на пропитание. А мне, старухе, больше и не надо. Аппетит у меня не тот.

– Да, недурно ему, видать, живется.

– Не жалуется он, это точно. – Бабушка вытащила из кармана ватника, обшитого черным бархатом, бумажный сверток и разложила его на откидном столике служебного купе.

– Угощайтесь, голубчики!

На бумаге лежало грубо нарезанное мясо.

Сопровождающие взяли по кусочку.

– Я чай поставлю! – Турусов вскочил и вышел в тамбур за чайником.

Стал в тамбуре у окна. По спине пробежали мурашки. Окно с внешней стороны было замерзшим, лишь в верхней его части оставалось прозрачное пятно, сквозь которое проглядывался морозный лес.

«Зима, что ли?!» – подумал Турусов.

Мысли как-то сами перескочили на эту крепкую бабку, ехавшую к сыну в какую-то странную гостиницу. «Факел»?! Хорошее название для этих суровых сибирских мест. А когда это они в Сибирь заехали?! Ехали, стучали колесами по рельсам и даже не задумывались о том, где они, собственно, находятся, а тут тебе Сибирь! А какая Сибирь: Западная или Восточная, пойдй разберись! Одна она на весь Союз, одна и огромна. И куда бы ты ни ехал, но если долго едешь, обязательно в нее попадешь. Такая уж наука география; не просто география, а, можно сказать, динамическая география тела, прямо зависящая от динамики духа и мысли. Горячие мысли охлаждать нужно, холодные подогревать, но не часто, да и до кипения ни в коем случае не доводить.

– Эй, профессор, а чай?! – прорвался сквозь тамбурную дверь голос напарника.

Турусов налил воды в коротконосое чугунное детище какого-то уральского заводика и поставил его на примус.

– Слышь, профессор, как ты насчет остановки в пути?

– Какой остановки? – не понял Турусов.

– А вот Клавдия Николаевна обещает нам на пару дней место в этом «Факеле». И говорит, кстати, что с машинистом договорится. У него тоже в том районе какие-то дела. Отдохнем на твердой почве и дальше покатым.

Турусов не понимал: шутит его напарник или говорит серьезно. Оставить груз на два дня, уйти от поезда, который может тронуться в любой момент, оставив их посреди сибирской зимы, холода и снегов?! Как же подписанный договор, где одним из условий значилось «ни в коем случае не оставлять груз без надзора»?

– Ты чего окаменел? Что, не хочешь жизнь за вагоном посмотреть?

– А груз?

– Никуда не денется. Не бойся. Такой случай представился, а ты дрейфишь! Если хочешь – оставайся, посторожишь свои ящички, пока я прогуляюсь.

– нет, я пойду!

– Трудно тебя уговаривать, профессор. Излишне серьезно ты на нашу жизнь и на работу глядишь. Исправляйся, пока не поздно!

– Да, милоч, – поддакнула Клавдия Николаевна. – Серьезным быть не надо, а то беды не оберешься! Серьезные, они всегда за все в ответе, а вот если так просто ко всему подходить – никто с тебя и не спросит. Вот сынок мой тоже поначалу серьезным был, студентов даже обучал, а как понял, что весь вред ему от его серьезности, так и бросил это дело. Вот поглядишь, как он нынче живет, побеседуешь... Может, и остаться там захочешь. Там многие остаются из тех, что в гости приезжают.

Бабка попила чайку, встала и прошлась по вагону.

– А что это у вас за ящички? Не продовольствие?

– нет, – ответил Радецкий.

– Может, из одежды что?

– Да нет, там такое, чего не употребишь.

– Это плохо, – мудро покачала головой Клавдия Николаевна. – Такой груз никому не нужен. Везли бы валенки – совсем другое дело. Меня бы, старуху, парой-другой порадовали, а то мои поизносились.

– Да, – согласился Радецкий. – И вас бы порадовали, и сына вашего.

Два дня пролетели быстро. Клавдия Николаевна рассказывала о сыне, крутилась вокруг примуса, варя сопровождающим то гречку, то рис, то горох. Словно и не в вагоне они ехали, а жили в какой-то сельской хате, где и на печи поваляться можно, и пирожков испечь.

Было так уютно, что Турусов забыл, что он сопровождающий, забыл о том, что в вагоне – груз. О многом другом он забыл тоже, согреваясь от забот Клавдии Николаевны, которая называла их уже не «милками», а «сынками» и спешила сварить чего-нибудь еще и еще. Пусть они хоть шесть, хоть десять раз в день едят, лишь бы сготовить все их крупяные запасы, до которых у них самих руки не доходили, да и навряд ли дойдут когда-нибудь.

Поезд мягко и почти бесшумно остановился. Клавдия Николаевна легко отодвинула дверь и прыгнула на снег.

– Я сейчас, сынки! – сказала и засеменила в сторону тепловоза.

Минут через пятнадцать вернулась.

– Ну и длиннуший у вас состав! Ни разу на таком не ездила, – задыхалась часто-часто, красная с мороза. – Ну, вылазьте! Уговорила машиниста денька два-три подождать. Он-то,

оказывается, и не знал, что в его составе люди есть. Глаза выпучил – во как удивился! Но когда я сказала ему, что вы работаете здесь и живете, он поуспокоился. Вылазьте, голубчики!

– А как же, он что – три дня стоять здесь будет? – Озадаченный Турусов остановился в проеме двери, глядя вниз.

– Ты не беспокойся, сынок. Он тоже человек, у него свои заботы: по делам съездит, да и дом у него тут недалеко. Поездит и сюда же вернется через пару дней.

Радецкий застегнул на себе ватник, нахлобучил валявшуюся на полу ушанку и грузно шагнул в снег с метровой высоты.

– Профессор! Не заставляй старых людей ждать!

Турусов тоже соскочил, и Клавдия Николаевна повела их в тайгу по невидимой, ей одной известной тропинке.

Железнодорожная насыпь осталась позади. Обернешься – не увидишь: кусты, бурелом сплошной.

– Долго нам? – осторожно спросил Турусов.

– Та не, не очень. Через полчаса выйдем.

Навстречу медленно двигалось темное на фоне снега пятно, оказавшееся сухоньким мужичком, шедшим по той же невидимой тропинке.

– Эй, Потапыч! – узнала его бабушка. – Куда эт ты собрался?

– А к рельсам. Скоро поезд пройти может. Подцеплюсь и до следующего «Факела», а то этот мне чё-то не очень.

– Мест нет, али заелся с кем?

– Нет, Клавуша, мест ого сколько, оттого и хочу куда-нибудь, где полуднее. А твой Пашка там, только скурвился он...

– Ты чего болтаешь? Сам скурвился! Ишь, какой умник, ты больно правильный! Едь-едь, пень ворчливый!

Потапыч прибавил шаг и так понесся к рельсам, словно ему могли в спину выстрелить. Оставшуюся часть пути прошли молча.

Вскоре почувствовался специфический запах, а чуть позже над деревьями вспыхнули несколько огромных языков пламени.

– Что это? – Турусов сощурился за стеклами очков.

– Это он, голубчик, пристанище наше. «Факел», что я говорила.

Перед ними открылась квадратная бетонная площадка метров двести на двести, а по ее краям возвышались четыре трубы, из которых в небо рвался мощный напорный огонь. На площадке стояли десятки сколоченных из дерева лежанок. Вокруг было очень тепло и даже трава в метрах пятидесяти от трубы зеленела, и одуванчики желтели.

– Попутный газ сжигается. – Радецкий знающе осмотрел трубы.

Все трое ступили на площадку и присели на грубо сколоченных лежанках.

– Ох и жаряца здесь нынче! – Клавдия Николаевна стянула с себя бархатный ватник. – Одно плохо – по нужде в мороз идти надо.

Она покачала головой с таким видом, будто это было единственной и наихудшей стороной жизни.

На площадке спал один-одинешенек мужик, накрывшись чем-то похожим на чехол для автомашины.

Тепло, тихо и безлюдно. И просторно ко всему прочему. Турусов лег на спину и глянул на пламя, резвившееся высоко над землей.

– Красота! – довольно проорчал Радецкий. – Хорошее место.

– Их, сынок, таких мест, у нас столько, что всех и не отыщешь. И все они «Факелами» зовутся, гостиницы...

Отдохнув, Турусов обошел площадку. Под некоторыми лежанками валялись вещмешки. Разные вещмешки, от туго набитых с крутыми боками до грязных и полупустых, обмякших от своей пустотелости.

Побродив, вернулся к Радецкому, уминавшему на пару с бабусей вареную колбасу.

– Подкрепись, профессор! нервы крепче будут, а то ждет тебя один ударчик неместного происхождения.

Колбасу доели быстро. Целлофан с жирной бумагой отшвырнули на траву.

– Ох, Пашка, мой Пашка! – вздохнула Клавдия Николаевна.

– А где он? – Турусов еще раз окинул взглядом окрестности.

– На работе, видать. За деньгой пошел.

Турусов качнул головой. Мол, понял.

Время двигалось к вечеру: солнце скатывалось за горизонт, и хозяевами неба оставались четыре ярких факела, прогревавшие небольшой кусочек тайги и лишавшие его ночной темноты. Факелы заслоняли не только луну и звезды, но и все небо; и чем темнее становилось, тем ярче они разгорались, словно над этой площадкой небесная ткань давно уже прогорела и сквозь невидимую дыру вниз в огненную четырехязыкую пасть сочилась горячая легковоспламеняемая темнота, из-за которой языки пламени отрывались от своего факела и устремлялись вверх, стараясь выскочить сквозь прорванную ткань неба.

Клавдия Николаевна и Радецкий живо беседовали на материальные темы, а Турусов не мог опустить глаза, не мог оторвать свой взгляд от огня. Он не слушал их. Его не было рядом с ними.

Скрипнула лежанка, и мужчина, спавший на ней, сел, опустив ноги в кирзовых сапогах на теплый прогретый бетон. Он медленно скатал свое одеяло, напоминавшее чехол для автомашины, положил его с краю лежанки, вытащил метлу и занялся обычным дворничьим трудом. Подметать он начал с противоположного края площадки, а когда приблизился к середине «гостиницы», на минутку остановился и, сделав пару шагов в сторону незнакомых постояльцев, громко поздоровался, после чего снова принялся за свое дело.

– Плохо, что таких мест поближе нет, там, где теплее, – говорила Клавдия Николаевна. – Я б тогда и сама в деньгодобытчицы пошла. Очень интересная и атеистическая работа.

– Атеистическая?! – усмехаясь, оскалился Радецкий. – Почему?

– А потому как дает загробную жизнь при этой жизни, то бишь плоды получаешь, не сходя с рабочего места. Вот кабы где у моря так устроиться...

– У моря не сложно, – Радецкий оглянулся на гостиничного дворника. – Там и так недурно зарабатывают.

– Так то другая работа! – с небрежением сказала бабушка. – Там люди от людей деньгу отымают, а это уже грешно. Они, как это... слово хорошее из газет есть... – наживаются. А наживательство и деньгодобыча – штуки разные. Наживаться, оно везде можно, а добывать только там можно, где людей мало и честности много... Так и сынок мой думает.

– Давайте-ка, я у вас почищу, – подошел дворник и сосредоточенно запустил метлу под лежанку, на которой сидела Клавдия Николаевна. – Надолго прибыли? – не отрывая взгляда от бетонного пола, глухим голосом спросил он.

– Одну-две сутки погостим, – ответила бабушка.

– Токо не сорите. У нас чисто, – мужик выпрямился, гордо, свысока глянул на выметенный из-под лежанки мелкий сор, потом перевел взгляд на гостей.

– Да, – закивала головой Клавдия Николаевна. – Тута всегда чисто. Не то что в городах, где сплошь люди.

– Место чистое, и люди оттого чистые здесь, – согласился мужик.

Он присел на лежанку, потрогал рукой свою неровно обрезанную густую бороду и провел внимательным взглядом по лицам гостей.

– А вы до кого? – спросил дворник.

– До сына приехала, до Пашки.

– А-а, к Павлу... – Мужик задумался. – Он здесь. Честный и не сорит. Тут нынче мало постояльцев-то осталось. Кое-кого я сам попер с гостинки. Ишь, думали себе вечное лето устроить – пригрелись, а делать ничего не хотели. Я их в три шеи. Как там у нас всегда было: «кто не работает – тот не живет!»

– Да не так! – перебил дворника Радецкий.

– Ну, по словам, может, чуток и не так, а по смыслу именно это и говорилось. Уж я-то помню.

– А сколько вам тут как дворнику платят? – поинтересовался Радецкий.

– А зачем мне платить?! Я, как и обещано было, без денег живу. Мне чё надо? Одежда есть, пропитание есть, а радость – от работы получаю. Ведь только здесь наконец смог заняться любимым делом.

– Это подметательством?! – ухмыльнулась Клавдия николаевна. – И давно подметаешь?

– Я здесь уже больше тридцати лет, с пятьдесят пятого. А вообще дворником с тридцать третьего считался, но разве тогда давали поработать?

– А чё, не давали? Дворникам завсегда работа была. Мусора все одно всего не выметешь!

– А! – Мужик недовольно скривился и махнул рукой. – По месяцу, бывало, не давали метлу в руки взять. Только встать спозаранку соберешься, а тебя уже будят и будьте-тебе-любезны-понятым-к-жильцам-ваше-го-уличного-участка! Отвоевал потом, думал: вот теперь сколько работы, война ведь только то и делает, что везде сорит, обломки и от людей, и от вещей оставляет. Так нет же. И после войны то же самое. Не выдержал я, вот и пустился подале от столицы. Сначала с какими-то выселенцами ехал, а потом сам пробирался и вот...

Дворник опять потрогал бороду, недовольно нахмурился.

– У вас зрячесть хорошая? – спросил он Турусова.

– Он у нас слепой, – вставил Радецкий. – А у меня зрение что надо.

– Ну вот тогда сделайте доброе дельце. – Дворник протянул Радецкому большие портняжки ножницы. – Обрежьте ее ровненько, а то я там понакуролесил без зеркала.

Мужик задрал бороду вверх, чтобы Радецкому было удобнее, и продолжил:

– Я б тут и опосля смерти остался бы. Чем не рай?! Жаль, что нельзя...

– После смерти нельзя? – улыбнулся Турусов.

Неподвижно сидящий дворник только глазами покосил в сторону сказавшего.

– Даже до смерти нельзя. Умирать здесь не положено, – пояснил он. – Места для умирания нет, здесь только для жизни место.

– Вы хотите сказать, что кладбища нет? – спросил Турусов виноватым голосом.

– Да не, оно-то маленькое есть, там, в углу. Не совсем, конечно, кладбище... – Мужик не глядя ткнул рукой в противоположный угол площадки.

– Все, порядок! – Радецкий щелкнул ножницами и выпрямил позвоночник.

Дворник потрогал бороду и остался доволен.

– Молодец! Стригун, что ли?

– Нет, я по другой специальности. А что там у вас за кладбище? – после Турусова заинтересовался Радецкий.

– Пошли! – дворник бодро поднялся, струшивая на бетон обрезанную шерсть бороды.

– Идите поглядите! – напутствовала Клавдия Николаевна. – Нам о смерти еще не время радеть.

Турусов, Радецкий и дворник вышли на край площадки и склонились над выбитым неровными буквами в бетоне списком фамилий, инициалов и дат, вмещающих человеческие жизни.

– Тут урны замурованы? – догадался Радецкий.

– Какие урны! Здесь мертвых не бывает. Они ж сами, как поймут, что жизнь кончается, так сами себя тут запишут и уходят с «Факела».

– Так это же не кладбище! – Турусов непонимающе пожал плечами. – Зачем оно?

– Эх, профессор, – вздохнул Радецкий, – это же летопись, это история «факела», именно этого, а не другого «факела». Убери ты отсюда это кладбище, и все: будет витать «гостиница» в облаках – ни людей, ни эпохи, словно и нет ее вовсе. А тут же, читай! «Феоктистов Г. В. 1938–1982; Борисоглебский А. В. 1914–1967». Есть кладбище, значит, и история, и прошлое у этого места есть.

– Так, может, кладбище и есть история? – ехидно спросил Турусов.

– В некотором смысле. Кладбище – доказательство существования истории.

– Да пошто вам эта история! – перебил их дворник. – Главное – память. Что она вмещает, то и было на самом деле, а остальное: хочешь верь, не хочешь – не верь. Неважно все остальное. Вот этих я всех знал, – он кивнул на выбитый в бетоне список. – А вон того, Лапкина... так я даже за него и фамилию, и даты выбивал. Он-то сам руки отморозил до мертвоты и как бы уже без них жил. Висят две жерди высохшие, а его не слушаются. Вот и решил он уйти. Сказал, что чувствует, мол, пора...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.